

Полина Верховцева

Одна зима на ДВОИХ 2

12+

Полина Верховцева
Одна зима на двоих 2
Серия «Сердце Андракиса», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67911935

SelfPub; 2022

Аннотация

Каждый год по высокому снегу в Долину Изгнанников спускаются завоеватели – жестокие, таинственные кинты с глазами цвета янтаря. И горе тому, кто не успеет укрыться от них в Обители Сна на сто долгих дней. Той зимой удача отвернулась от юной Ким. Он нашел ее. Поймал, силой увез с собой, надел ошейник рабыни, сделал своей. Ей следовало бы ненавидеть его, но вместо этого сердце замирает, когда он рядом. И сама мысль о расставании причиняет боль.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	33
Глава 4	45
Глава 5	59
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Полина Верховцева

Одна зима на двоих 2

Глава 1

Хасс пришел только к ночи. Собранный, мрачный, все в той же грязной разодранной одежде со следами крови, своей и чужой.

При его появлении Ким вскочила на ноги. Она столько всего успела передумать за это время, столько дурных мыслей в голове перебрала, что теперь, глядя на его хмурое лицо, не могла нормально вздохнуть.

Кхассер прошел мимо, не удостоив даже взглядом, и скрылся за вторым пологом. Какой-то шорох, движение, всплеск воды. Почему-то эти мелочи сливались в одну сплошную тревожную какофонию, слушая которую Ким все больше трепетала от волнения.

Все было не так. Неправильно. Что-то изменилось, после случившегося в ущелье. Хасс изменился. Между ними и раньше не было теплых чувств, но сейчас Ким чувствовала не просто охлаждение, а колючую стену, с каждым мигом все больше обрастающую ледяными шипами. И осознание этого причиняло боль. Пока еще непонятную, тягучую, отрывающуюся дрожью под поджилками и странной маятой под

сердцем.

Как бы она ни пыталась себя убедить, что это и к лучшему, что ее вообще не касается дурное настроение кхассера, ей было не все равно. Настолько, что она едва не пошла следом за ним в купальню.

Хасс не торопился возвращаться. Лежал в чуть теплой воде, стеклянным взглядом уставившись в потолок, позволяя своим мыслям дрейфовать от одного к другому. Думал о закрытых проломах под лагерем, о том достаточно ли защиты выставлено по периметру, о Брейре, с которым сегодня состоялся не очень приятный разговор. Они, наконец, прояснили вопрос главенства, и молодой кхассер признал, что был неправ.

Потом Хасс вспомнил убитого в ущелье норкинта. В этот раз не злился, не отрицал, наоборот флегматично размышлял о том, а мог ли поступить иначе.

Не мог.

Не было ни единого шанса.

Прикрыв глаза, он полностью опустил под воду и лежал так, пока легкие не начали гореть от недостатка кислорода. Минута, две... Легче не становилось. Наоборот, тот ком, что встал поперек горла с каждой секундой становился все больше. Душил.

Он слышал, как она меряет шатер быстрыми шагами. Ходит из стороны в сторону, надрывно дышит, то и дело замирая. Казалось, он даже слышит, как бешено грохочет сердце

золотой пленницы. Или это его собственное сходит с ума, из-за того, что он собрался сделать?

Хасс вылез их воды. Обтерся куском холстины и, морщась от боли, натянул простые серые брюки. Раны, оставленные разъяренным норкинтом, неприятно саднило, но ему нравилась эта боль. Она напоминала ему об ошибках, не позволяла забыть, пустить все на самотек.

Когда он вышел в шатер, Ким остановила свое безумное движение из стороны в сторону и замерла, беспомощно глядя на своего похитителя.

Он был мрачным, как грозовая туча, и осунувшимся. Вдоль его груди краснел след от когтей дикого зверя, под глазами залегли тени, а вокруг рта – горькие складки. Его взгляд ничего не выражал, кроме тяжелой решимости.

– Подойди.

Колени как ватные, на языке горечь, но послушаться она не посмела.

Сделала несколько неуверенных шагов, останавливаясь прямо перед кхассером и не в силах смотреть ему в глаза. Сегодня в них не было янтарного тепла, только тьма, которая пугала.

– Я нашел Лару.

Ким поджала губы и сдавленно кивнула. Она чувствовала, как его задумчивый взгляд скользит по лицу, и не могла дышать. Боль в груди все нарастала.

– Ты сказала правду. Это ее вина, в том, что ты оказалась

в том ущелье. Ее и еще одного смертника. Больше они не доставят хлопот.

Мертвые не доставляют проблем...

Он сам не знал, зачем рассказывает это, зачем вообще разговаривает с пленницей, от которой надо держаться как можно дальше. Она что-то сломала в нем. Изменила привычный ход вещей, лишая покоя.

Пора это прекращать.

– Иди сюда, – пальцы сомкнулись на тонкой шее, сжали на мгновение, перекрывая кислород, потом ослабли, провели по гладкой коже, поднялись к виску, скользнули по пухлым, ярким, словно дикая малина губам. Их вкус намертво въелся в память. Сладкие. С горьким привкусом ненависти.

Он будет скучать по этому вкусу, так быстро распалюющему огонь в крови. Он будет скучать по ней.

Сожалений не было. Хасс никогда не сомневался, и если уж принимал решение, то следовал ему до конца.

...Сегодня он решил, что Ким не место в его жизни.

Пусть отправляется к императору, выполняет свое предназначение, а потом... что будет потом его уже не касается.

Провел пальцами по холодному обручу, на золотых гранях которого играли отблески зачарованного огня, пульсирующего в неспешно кружащих под потолком сферах. Со всем скоро он снимет его, отпустит... А сейчас ему хотелось почувствовать ее тепло еще раз. Впитать, запомнить, сохранить под кожей.

Он обхватил руками узкую талию и оторвал девушку от пола, прижал к себе, вынуждая ногами обвить талию. Ким только охнула, вцепившись в него, но тут же испуганно убрала руки. Его плечи тоже были изодраны, на едва затянувшихся рубцах, проступали капли крови.

– Прости...

Ему не за что было ее прощать. Все сложилось так, как сложилось.

– Поцелуй меня.

Сама. По своей воле. Без принуждения. Просто поцелуй...

Мягкие губы едва уловимо прикоснулись к его губам. Малина...

Аккуратно, стараясь не причинить боли, Ким обвила могучую шею руками и, зажмурившись, подалась ближе, чувствуя под ладонями бешенный пульс. Кхассер напротив не закрывал глаз. Смотрел на ее бледное лицо, на то, как на трепещущих ресницах собирается влага. Так близко. Но бесконечно далеко. И завтра станет еще дальше.

Этой ночью мир за пределами шатра перестал существовать. Воины, другие кхассеры, рабы. Их словно не было. Как и угрозы со стороны валленов, предстоящего обряда и расставания. Ничего не было. Остались только они. Их дыхание – хриплое, на разрыв. Пульс – зашкаливающий и сводивший с ума. Прикосновения – такие жадные и отчаянные, как никогда до этого.

Не было ни слов прощания, ни обещаний. Только тишина, которая оглушала сильнее самого громкого крика.

Еще можно было остановиться, отмотать время назад, переиграть...

Но Хасс никогда не менял своих решений. И чем дольше был наедине с ней, тем четче понимал, что все правильно. Для простой рабыни она слишком глубоко забралась под кожу. А никакого другого места в своей жизни он предложить ей не мог. И не хотел. У кхассера был свой путь, никак не связанный с бродяжкой из долины Изгнанников.

– Подъем! – он разбудил ее, когда солнце еще не поднялось и лишь украдкой подсвечивало горизонт, – нам пора выдвигать.

Ким не стала задаваться вопросом, куда выдвигаться, зачем. Просто поднялась и, не глядя на Хасса, потянулась за своей рабской одеждой.

– Оставь, – Хасс жестом остановил ее, – поедешь в другом.

Она покорно разжала пальцы, и ненавистная серая одежда упала на пол. Такая заношенная, потрепанная, ненужная, как она сама. В груди неприятно жгло и давило. Особенно, когда чувствовала, как он смотрит. Без единой эмоции следит за ее движениями. Равнодушно. Без слов.

Было страшно. И этот страх с каждым мигом все усиливался, давил, вынуждая делать судорожные вдохи.

– Мы едем в столицу? – наконец, не выдержала она.

Хасс долго молчал, прежде чем ответить, потом абсолютно ровно произнес:

– Не мы. Ты.

Вдохи стали не просто судорожными, а надрывными.

Она просто не представляла, как это быть в Андракисе без него! Каждый день, с того момента, как похитил ее из долины, Хасс был рядом. Незримой мрачной тенью преследовал ее, где бы она не находилась. А что теперь? Как без него?

Ким даже предположить не могла, что когда-нибудь будет бояться остаться без своего молчаливого хозяина. Это было так нелепо и в то же время отчаянно больно.

– Вещи там, – он указал на стопку, скромно лежащую на лавке рядом со столом.

По его приказу для нее еще вчера приготовили комплект одежды, в которой было удобно путешествовать верхом – легкие замшевые брюки, рубашку, плащ и высокие ботиночки. Путь до столицы займет не меньше недели, и в рабском рубище, кожа на ее бедрах превратится в кровавое месиво, еще на исходе первого дня. Он не хотел этого.

Ким не задавала вопросов, не смотрела на него, не жаловалась. Просто молча кивнула и начала одеваться в то, что он приказал.

Эта отстраненная покорность разозлила Хасса. Хотелось хоть чего-то. Криков, обвинений... просьб не отпускать ее, не отдавать ее. Все что угодно, лишь бы не это натянутое молчание. Он всегда был холоден с остальными, но впервые

чужое равнодушие задевало его самого.

Дурак! С ней он точно становился дураком.

Не в силах бороться с самим собой, Кхассер проворно вскочил с кровати и начал одеваться. По-походному быстро, желая скорее выйти на улицу. Ким украдкой наблюдала за его напряженной спиной, за тугими мышцами, играющими под смуглой кожей. Странно, но сегодня раны выглядели так, будто он получил их не накануне, а как минимум пару недель назад. Его способность к восстановлению впечатляла. Ким бы тоже не отказалась от такой, что избавиться от боли. Только ее раны не снаружи, а глубоко внутри. Пульсировали, давили, истекая кровью.

– Через пять минут я жду тебя в центре, – процедил сквозь зубы и ушел, оставив ее наедине со своими невеселыми мыслями.

Ким думала о том, что ждет ее дальше. Жизнь в лагере была непростой, но хотя бы понятной. Она уже привыкла, знала, чего ждать каждый день, даже в какой-то мере смирилась, а теперь снова подступала неизвестность.

Пользуясь тем, что Хасс ушел, она вытащила из-под шкуры на сундуке свернутую карту. Зачем она теперь нужна, Ким не знала. Просто взяла с собой, засунув в глубокий карман походного плаща. Пусть будет. Так сохранялась иллюзий будто она хоть что-то сама решает в своей жизни.

Как и обещал, он ждал ее возле главного шатра. Рядом с ним стояли Аксель и Килай, чуть поодаль – Брейр. Заметив

ее, он отвернулся, будто увидел что-то неприятное.

Ким подошла ближе к кхассерам.

– Я готова.

Хасс смерил ее тяжелым взглядом с ног до головы и нахмурился. Пора было ехать, но все внутри протестовало, просило задержаться еще хоть ненадолго. На пару дней. Его зверь угрюмо скалился, недовольный принятым решением, но Хасс придавил его, загнал в самые темные глубины своего сознания.

Едва перебарывая раздражение, он свистнул, подзывая свою вирту. Та подбежала, резво потряхивая темной гривой, и недовольно заржала, когда он неоправданно грубо проверил подругу.

– Могу я взять Лиссу? – она обратилась к хассеру с тихой просьбой, – пожалуйста.

Он смотрел на нее сверху вниз, без единой эмоции – все они уже были под контролем. Окольцованы, посажены на цепь, сокрыты от посторонних глаз.

Хочет вирту? Пусть берет. Так он будет избавлен от необходимости везти ее с собой, обнимать и чувствовать этот проклятый запах, который намертво въелся в легкие и отпечатался на подкорке.

– Мы не даем виртам имена, – холодно обронил кхассер, наблюдая за тем, как она встревоженно закусывает свои полные красивые губы.

К черту. Губы как губы. Они у всех одинаковы, только раз-

личаются формой и размером.

– Я ...я так не умею, прости, – Ким опустила глаза, – мне жалко ее оставлять.

Прости... Сколько покорности, когда ей это надо. Столько тревоги за какую-то вирту, и столько равнодушия для него.

Почему это так царапает?

– Бери, – согласился, небрежно пожимая плечами, – мне все равно.

Ким вскинула на него растерянный взгляд. Непонятный, наполненный потаенной тоской и обреченностью. Хасс еще ни разу не говорил, что ему все равно....

– Я сейчас, – прохрипела и, развернувшись, бросилась прочь с песчаной площади.

Больше не будет ни танцем, ни костров, ни шумных вечеров, наполняющих лагерь музыкой. Больше не будет ничего.

Вирта все так же сидела на привязи чуть в стороне от их шатра.

Их шатер...как глупо звучит.

Ким подскочила к ней и начала развязывать веревку, чувствуя, как подкатывают внезапные и совершенно бессмысленные слезы.

– Мы уходим, девочка. Насовсем. Нам больше здесь не место.

Лисса подозрительно склонила голову, будто пыталась понять, что это значит.

– Идем, – Ким потянула ее за гриву, – идем.

Когда они пришли в центр, Хасс кивком приказал седлать Лиссу. Проворный молодой парень, тут же накинул седло, затянул подпругу, набросил недоуздок.

Ким с удивлением рассматривала затягивающиеся раны на боках своей вирты. Они тоже выглядели не так страшно, как ей казалось ночью, когда напали валлены.

Здесь все умели быстро восстанавливаться. Кроме нее.

Лагерь они покинули спустя полчаса. Проехали по узким проходам между пыльных шатров, свернули на запад и присоединились к группе воинов, возвращающихся в столицу после долгой службы.

Весь день они продвигались по долине, на ночь становившись возле гигантского камня, похожего на голову валлена, а с первыми лучами солнца снова тронулись в путь.

Никто не разговаривал с ней, никто не смотрел в ее сторону. Она чувствовала себя невидимкой, наскучившей игрушкой, которую решили передарить кому-то другому. Хасс ехал во главе отряда и ей, зажатой посередине, оставалось только смотреть ему в спину.

Он чувствовал этот взгляд. Обжигающий и горький, но так ни разу и не обернулся, не подошел. Лишь на вторую ночь, когда они остановились возле реки, принес ей еще один плащ:

– Ночью будет холодно.

Она приняла его, поблагодарив молчаливым кивком, и замотавшись в него с головой устроилась на мягкой траве.

К полудню следующего дня они выбрались к подножью низких сизых скал. И там их ждала развилка: одна дорога терялась между каменистых отрогов, вторая уводила на север, пыльной лентой стелясь по равнине.

– Левис, – Хасс подозвал командира, – Ее к императору. Передать лично. Понял? Головой отвечаешь за нее.

– Будет сделано, – воин сурово брякнул оружием, принимая приказ.

Ким сидела в седле ни жива, ни мертва и молилась, чтобы Хасс на нее посмотрел. Просто посмотрел! О том, чтобы он сказал хоть что-то Ким и не мечтала.

Янтарные взгляд остановился на ней. В нем было пусто. Ни ярости, ни сожалений, ничего. Одним движением кхассер расцепил золотой ошейник и небрежно бросил его на траву.

Теперь точно все!

– Пошла! – он пришпорил свою вирту, сворачивая на пологую дорогу. Через мгновение она перешла на галоп, поднимая за собой клубы пыли.

Темный силуэт стремительно уносился прочь, и вопреки всему вместо облегчения Ким чувствовала только одного – горечь разочарования.

– Продолжаем путь, – скомандовал главный воин.

Очень скоро роковая развилка осталась позади, а фигура кхассера скрылась за холмами.

Он отказался от нее. Отдал другим. Ему действительно

все равно. Теперь она в этом убедилась.

Глава 2

Мол-Хейм, как всегда, встречал густыми туманами. Над могучим городом, раскинувшимся среди хищных черных скал, круглый год властвовал свежий ветер с побережья. Он приносил с собой мелкие брызги, крик чаек и запах морской соли.

Рано утром Хасс въехал в город через северные ворота. Стражи на входе вытянулись по струнке, когда увидели, кто перед ними.

– Добро пожаловать, хозяин!

Он молча кивнул, привычным взглядом подмечая как они вооружены, как несут дозор, все ли в порядке со стенами и с массивными дверьми из выбеленного морской солью дуба. Придраться было не к чему. Он слишком хорошо выдрессировал своих людей, чтобы в них сомневаться.

Низко опустив на лицо край капюшона, он ехал по тихим улицам. Кожевенная лавка ставка старого Джо, кузница Билли, оружейный магазин одноглазого Магнуса – все как обычно. Ближе к центру появилось несколько новых кондитерских, и лавка с дорогими тканями, на витрине которой стоял манекен девушки в нежно-розовом длинном платье с полупрозрачными рукавами и лифом, расшитым кружевами и целой россыпью кошачьих изумрудов...

За ребрами нарастало болезненное давление. Хасс при-

вычно отмахнулся – эти ощущения не покидали его уже несколько дней... с тех самых пор, как на развилке он свернул на север, а остальной отряд, вместе с Ким двинулся дальше, через Сизые Горы.

На самом верхнем ярусе города располагался его родовой замок. Низкий, массивный, с узкими бойницами окон, позволяющими сохранить тепло зимой, толстыми стенами, защищающими от любых невзгод и темными крышами, увенчанными острыми гребнями и скульптурами норкинтов. Песочный лев, как символ клана, по центру. Справа от него императорский тигр, и серый пятнистый барс. Слева – изящная пума и черная, как ночь пантера. Раньше были еще две статуи: лесная рысь и ягуар, но с тех пор, как эти кланы прекратили свое существование – их сняли. Теперь два постамента пустовали, напоминая о том, что ждало их всех. Забвение.

Новость о том, что хозяин вернулся, долетела до замка быстрее самого хозяина. На крыльце его уже встречал смотритель. Старый, седой как лунь Альберт. Он был похож на почтенного моржа: в темном фраке, едва сходившемся на объемном животе и с серебристыми длинными усами.

– Кхассер, – он приветствовал хозяина низким почтительным поклоном, – мы рады вашему возвращению.

Четыре месяца Хасс не видел стен родного города, но радость возвращения отравляла горечь расставания. Когда уже его отпустит? Почти неделя прошла с тех пор, как он избавился от Ким. Пора забывать, переключаться на то, что по-

настоящему важно. Например, на обряд...

– Как дела в храме?

– Камень почти созрел. Все будет готово к полнолунию.

До ближайшего полнолуния меньше недели. Ждать осталось совсем недолго. Кхассер удовлетворенно кивнул, хотя никакого удовлетворения не было и в помине.

– Через час собери мне всех старейшин. Я хочу получить полный отчет о том, что происходило в городе за время моего отсутствия. Все отчеты, происшествия, важные события. Все!

– Будет сделано, – смотритель еще раз низко поклонился и с необычайной, для такого массивного, неповоротливого тела проворностью, поспешил исполнять поручения.

Тем временем Хасс, не торопясь, поднялся на второй этаж и по длинному коридору, усланному кашемировыми коврами из Андера, отправился в свои покои.

Там было тепло. В камине весело плясали языки пламени, кровать заправлена чистым бельем, на столе – ваза с фруктами и графин с гранатовым вином. Комната выглядела так, будто и не пустовала целых четыре месяца. Прислуга всегда поддерживала ее в состоянии, готовом к возвращению хозяина.

Не желая тратить время впустую, он прошел в купальню. Там сбросил походную одежду, насквозь пропитавшуюся пылью и запахом костра, быстро сполоснулся в горячей купели и вышел в комнаты, чтобы переодеться.

Сборы не заняли много времени. Черные брюки и белоснежная рубашка, с тремя расстегнутыми сверху пуговицами – привычный наряд кхассера. Простая перевязь на пояс, в которой ждал своего часа изогнутый смертоносный клинок, еще один кинжал в высоком голенище кожаных ботинок – Хасс не привык ходить безоружным. Даже дома.

Он прошел в свой кабинет, занял место во главе тяжелого дубового стола, и пользуясь свободными минутами, проверил содержимое выдвижных ящиков. Все так, как он оставлял. Ни следов, ни запахов посторонних. Обитатели замка прекрасно знали, чем грозит самовольное вмешательство в дела хозяина.

Раздался деликатный стук в дверь, и первым на пороге появился высокий, сухой, как жердь мужчина в очках с костяной оправой. Лорд Райс – хранитель запасов. Следом за ним сэр Беннет – ответственный за торговлю в городе, затем командующий Лимис. Постепенно кабинет наполнился людьми. Самым последним пришел невысокий, полноватый мужчина в черной рясе – брат Ильям, один из жрецов храма Богини Плодородия.

Все они заняли свои места перед кхассером. Выложили кто свитки, кто внушительные пухлые амбарные книги и журналы учета, и по очереди начали отчитываться. Обстоятельно, подробно, не упуская ни одной детали. Они слишком хорошо знали, что Хасс не прощал халатности, поэтому заметно волновались. Смотритель неустанно дергал себя за

усы, у тощего лорда Райса потели стекла очков, а жрец то и дело протирал блестящую лысину скомканной тряпицей.

Хасс слушал их, задавал вопросы, интересуясь состоянием своих владений, но мыслями был совсем в другом месте. Там, на проклятой развилке. Когда глаза, цвета кошачьих изумрудов, испуганно смотрели на него...

Отчеты продлились до самого вечера. За окном уже стелилась тьма, когда Хасс отпустил своих усталых, вымотанных до предела людей, а сам остался в кабинете. Сел в кресло, возле неспешно полыхающего камина, протянул к нему ноги, и задумчиво уставился на огонь.

В душе по-прежнему было пусто.

Спустя полчаса раздалось тихо шуршание за дверью. Будто кошка скреблась, прося впустить ее домой. Хасс знал кто это, но не поднялся с кресла чтобы встретить, даже не обернулся. Дверь приоткрылась и в просвет проскользнула гибкая фигура в атласном наряде, цвета осеннего неба.

Сабина.

Его нареченная. Та, с которой совсем скоро предстояло пройти обряд единения на ритуальном камне в храме.

– Мой кхассер, – грудным голосом проворковала она, подступая ближе, – я скучала.

Атласная накидка струящимся водопадом упала к ее ногам, открывая взору короткий пеньюар. Под темной, полупрозрачной тканью угадывались очертания молодого гибкого тела. Доступного только для него, отзывчивого, гибкого,

страстного.

Сабина была прекрасна. Иссиня-черные, словно вороново крыло, волосы, струились по плечам шелковистым ковром. Темные, пленительно мерцающие глаза, ловли отблески всполохов огня в камине, длинные ресницы трепетали, отбрасывая тени на идеальную, фарфоровую кожу. Влажные, идеально очерченные губы были приоткрыты и манили своей доступностью.

Она подступила еще ближе и медленно, не разрывая зрительного контакта, села к нему на колени. Обвила шею руками, прижимаясь всем телом, так что мужчина мог почувствовать трепетные нежные изгибы. Пленительно сладкие, обещающие покорность и удовольствие.

Хасс задумчиво пропустил между пальцев шелковистую прядь волос. Красиво.

Но не то.

– Уходи. Я не в настроении сегодня, – равнодушно указал на дверь, – в другой раз.

Сабина обиженно надула сочные губы, но не посмела возразить. Вместо этого тихо соскользнула с его колен, подхватила с пола струящуюся шелковую накидку и выбежала из кабинета, оставляя Хасса одни на один со своими невеселыми мыслями.

Он не мог. Не хотел.

Возможно, если хорошенько напиться, а потом проспать в родной постели, то станет лучше. Неведомый дурман в

голове рассеется, а тоска, пульсирующая за грудиной, станет не такой болезненной.

Неделя после возвращения пролетела одним сплошным пестрым потоком. Быть хозяином города не так-то просто и, если уж начистоту, совсем не интересно. Обязанности, которые никому не перепоручишь, непрестанная вереница посетителей, каждому из которых что-то требуется, хлопоты по осмотру владений. Жрецы, торговцы, воины... Это занимало весь день от рассвета, когда первые лучи только пробивались сквозь утренний туман, и до самой ночи. Могло бы и дольше, но люди не выдерживали того темпа, что задавал кхассер. Уставали, а смотритель Альберт к вечеру ходил на унылого сома. Его седые усы понуро свисали вниз, толстый живот урчал от голода, глаза слипались.

Хасс не хотел отдыхать. Едва покончив с делами, он выпускал людей и шел в ночной обход. Проверял укрепления и подходы к городу, иногда поднимался на высокий утес, с которого открывался обзор на много миль вокруг, а порой тренировался на площадках, где днем воины отработывали боевые навыки.

Лишь под утро он уходил к себе, чтобы замертво упасть на кровать, а через несколько часов встать и начать все по новой.

Время неумолимо бежало вперед, подводя все ближе к знаменательному событию в жизни каждого кхассера. К об-

ряду. После которого его нойри, выбранная много лет назад жрецами и оракулом, станет полноправной женой. Если обряд пройдет нормально и ритуальный камень станет цвета молодой луны, то у них родятся дети. И кто-то из них, возможно, унаследует силу кхассера. Шанс есть. Гарантий нет.

В Андракисе все реже рожались дети с янтарными глазами, и некогда полноводные реки кланов, превращались в пересохшие ручьи. Так исчезли Рыси, так растворились во времени Ягуары. И так могло случиться со всеми остальными.

Магия связи ослабевала. То, что когда-то давно, много веков назад, удалось самым смелым и отчаянным, теперь ускользало. Они получили силу зверя, смогли укротить ее, впитать в себя, но время шло и сил сохранять слияние становилось все меньше. И все из-за ошибки древних магов, которые просчитались, замыкая силу кхассеров на аракит. Камень, который не был редкостью в Милрадии, но полностью отсутствовал в Андракисе.

В ночь перед обрядом Хасс не спал. Он стоял у раскрытого окна, подставив лицо колючим порывам морского ветра, слушал недовольный рокот седых волн и неотрывно смотрел туда, где за горизонтом скрывались заснеженные вершины Драконьей гряды. Их было не видно, но они манили, наполняя сердце тревогой и лишая покоя.

Утром он облачился в ритуальную одежду: простые льняные брюки и рубаху с широким воротом. По манжетам тем-

ной вязью стелились символы, восхваляющие богиню плодородия Иль Шид, на спине – крылатый лев, как символ клана.

На подходе к храму его встретили жрецы. Один маленький, прыткий, как воробей, второй – высокий и сутулый, словно скрюченная палка. Они провели его в келью для подготовки. Там было тихо и сумрачно. Хасса усадили на низкую, жесткую лавку и старый оракул, шепча нескончаемые заклинания и подвывая на самых ответственных местах, пальцами зачерпывал из медной чаши золу, смешанную с благовониями, и наносил ритуальные знаки на его лицо. Размашистые мазки по щекам, овал на подбородке, стрела по шее вниз к впадине между ключицами.

Хасс не мешал ему. Он просто сидел, как каменное изваяние, позволяя изрисовывать себя, и отсутствующим взглядом смотрел на стену прямо перед собой. Волнения он не испытывал, радости – и подавно. Все было, как в тумане. И единственное желание, которое он испытывал – поскорее с этим покончить.

– Ты готов, мой кхассер, – оракул почтительно склонил голову, потом отошел в сторону, и юный послушник тут же подал ему белое полотенце, – время пришло.

Огромный зал был полон людьми. Здесь присутствовали и старейшины Мол Хейма, и приглашенные гости из соседних городов, и даже несколько кхассеров из других кланов.

Кхассер не обращал внимания на гостей. Его янтарный взгляд был прикован к каменной плите алтаря, расположен-

ного у ног статуи богини Иль Шид, и к самой статуе. В ее руках накрытый черным бархатным полотнищем покоился его лунный камень. И хотя он пока еще был скрыт от посторонних глаз, Хасс знал, что время действительно пришло. Черный символ, до этого мирно спавший на его груди, ожил и пульсировал в такт биению сердца.

Сабина шла рядом, гордо вскинув подбородок и глядя прямо перед собой. В ее темные волосы были вплетены белоснежные цветы, а платье настолько нежное, насколько и откровенное мягким шлейфом стелилось по полу.

Она была прелестна. Идеальная невеста. Красивая. Достойная. Присутствующие в храме мужчины смотрели на нее с тщательно скрываемым интересом. Он видел отблески восхищения в чужих глазах... и не испытывал ничего кроме жгучего раздражения.

Ни ревности, ни ярости оттого, что кто-то смотрит на принадлежавшее ему. Ему было все равно. Дань традициям, повинность. Вынужденная мера.

Сердце в груди споткнулось, когда мысли вернулись к другой девушке. Той самой, которая теперь далеко, в замке императора.

Хасс скрипнул зубами, чувствуя, как закипает. Все в прошлом. Он сделал так, как был должен. Отдал ее. Все правильно. Ее судьба больше его не касается. Ким – там, он – здесь, в этом храме, с Сабиной. Верховный жрец Дорхан уже ждет возле алтаря. Сейчас он произнесет заветные слова, отметит

их лица красной дланью и снимет черную накидку с камня плодородия. И если богиня согласна с их союзом, то камень будет наполнен мягким лунным светом.

– Мы собрались перед ликом богини Иль Шид, чтобы совершить обряд единения. Хасс и Сабина, пришло ваше время.

Они покорно опустили на колени, готовые принять свою судьбу, и Дорхан приступил к обряду. Его зычный голос разносился по залу, достигая каждого уголка, отражаясь от стен и теряясь где-то под высокими сводами. Двое служителей поднесли плоскую чашу, доверху наполненную кровью. Не переставая говорить, верховный жрец взял шелковый помазок, окунул его в багряную жидкость и вывел на лбу кхассера семиконечную звезду. Затем развернулся к Сабине и сделал тоже самое.

– Пора. Да прибудет с вами милость богини Иль Шид, – с этими словами он снял черный полог, скрывающий камень от посторонних глаз.

И в тот же миг в храме повисла настороженная тишина. Вместо призрачного лунного света, пробивающегося сквозь неровные грани, все увидели абсолютно белый, словно нетронутый снег, камень плодородия.

Дорхан аккуратно взял его в руки и, не отводя изумленного взгляда, произнёс то, что и так было всем очевидно:

– Белый.

Хасс стоял на коленях, словно высеченная из гранита статуя, и не мог шевельнуться. Сердце, еще недавно равнодушно сокращающееся в груди, теперь нещадно лупило по ребрам, пытаясь пробиться наружу. Сабина, наоборот, судорожно выдохнула и прижала ладони к побледневшим щекам:

– Неужели...

О том, чтобы стать истинной для кхассера она и не мечтала.

– Положите на него свои руки, – сипло произнёс Дорхан. Впервые за много лет службы в храме голос его подводил.

Хасс приложил свою ладонь первым, тут же почувствовал, как сдержанное тепло струиться под кожу. Следом за ним к камню потянулась и Сабина. Вот только где ее ладонь прикасалась к камню, его поверхность становилась темной, словно обгоревшая древесина.

– Ты не имеешь отношения к этому камню, – удивленно обронил Дорхан, отдергивая камень в сторону, – единение Хасса уже состоялось.

Изумленные взгляды всех присутствующих обратились к кхассеру.

Он поднялся с колен и, не обращая внимания на притихшую толпу, направился к выходу, на ходу стирая с лица ритуальные символы.

Ему не было дела ни до гостей, приглашенных на торжество, ни на бывшую невесту, бежавшую следом за ним и кричащую, что он не может ее вот так оставить. Он мог. Уже

оставил. Сейчас имело значение только одно – вернуть Ким, пока не стало слишком поздно.

А может уже?

Прошло двенадцать дней с того момента, как на развилке у Сизых скал он отправился в одну сторону, а его пленница в другую. Он считал эти дни, хоть сам себе в этом и не признавался, помечал кроваво-красным в памяти.

Двенадцать дней он запрещал себе узнавать, что произошло с ценным трофеем, пойманным в Долине Изгнанников. Как добралась? Куда ее поместили? В темницу на окраине или в камеры под главным замком? Видел ли ее император? Сломал ли он ее...

Не успел.

Хасс был в этом уверен. Он знал, что Ким жива и здорова. И уверенность эта крепла в нем с каждой секундой.

В гордом одиночестве он спустился по каменной лестнице и вышел на широкую площадку, обнесенную массивным парапетом. Жадно вдохнул, будто надеялся, что сможет уловить ее запах. Взгляд снова устремился туда, где далеко на горизонте едва уловимо поблёскивали снежными шапками Драконьи горы.

Там, далеко, в лазурной мгле скрыта Долина Изгнанников, ставшая границей между Анракисом и Милрадией. Место, которое подарило ему Ким... А он не понял, не думал, что такое возможно и сам своими собственными руками отдал ее.

Жалеть о прошлом Хасс не любил. Его больше волновало, что можно сделать здесь и сейчас чтобы спасти ситуацию.

Он обернулся. Расправил тяжелые крылья и в два сильных взмаха поднялся высоко над землей. Утреннее солнце медленно катилось по небосводу, раскрашивая небо яркими красками. Внизу раскинулся серый Мол Хейм, подозрительно притихший в ожидании его действий, чуть левее – свинцовые воды Тихого моря. Хасс сделал над городом неполный круг, замечая каждую деталь, каждое движение. Задел взглядом за жреца, который выскочил на порог храма, по-прежнему сжимая в руках белоснежный камень плодородия. А потом устремился в сторону столицы.

Верховым ходом до нее была неделя пути – через угрюмую чащу до переправы на верхней реке, по долине у подножья Сизых скал до роковой развилки, где они расстались с Ким. Дальше через горы, не такие величественные, как Драконья гряда, но не менее коварные. Через перевал, мимо каменных утесов вплоть до темных врат...

По воздуху быстрее. Кхассер продвигался напрямую, не зная усталости и сомнений. Гнал вперед так, словно от этого зависела его собственная жизнь. Только раз ему пришлось остановиться, когда на третий день пути, тяжелые грозовые облака обложили небосвод и похлынуло так, что шерсть становилась дыбом на загривке. И с каждым всполохом молнии в памяти снова всплывала Ким. Та белая вспышка, что похлынула при их первой встрече. Он не понял тогда что это

такое, не знал. Да какое там не знал! Предположить не мог, что такое возможно. Что связь, о которой написано в древних книгах, достанется именно ему. И что бледная девчонка с глазами цвета кошачьих изумрудов окажется той самой.

Он переждал штормовую ночь, среди черных утесов, забившись в одну из узких расщелин. Сверху размеренно капала вода, просачиваясь сквозь каменную толщу, на улице бушевал ураган, а кхассер сидел, привалившись спиной к холодным камням и равнодушно смотрел на непогоду. Его мысли были заняты совсем другим.

На утро, едва первые лучи солнца окрасили полосу неба над темным лесом, Хасс продолжил свой путь. Выбрался из Сизых скал, миновал широкую зеленую долину, по которой то тут, то там были разбросаны крохотные деревушки. Безмолвной тенью проскользил над вечными лесами, потом забрал немного южнее чтобы обогнуть зловонные болота, ядовитый пар от которых поднимался высоко над землей.

К вечеру четвертого дня на горизонте замаячили массивные белые башни Андера. Охранные коршуны неспешно кружили над городом, высматривая затаившуюся угрозу, черные флаги с золотыми глазами зверя, гордо реяли над крепостной стеной.

Хасс миновал ее, опустившись ниже, промчавшись над самыми головами стражников, охраняющих город. Завидев од-

ного из кхассеров, они почтительно склоняли головы и били клинками по металлическим пряжкам на груди.

Он пролетел по центральной улице вплоть до внутренних стен замка, и там взметнулся вверх до самых облаков, по привычке осматривая укрепления, ища слабые места, возможные угрозы.

Тем временем на верхнюю террасу вышел мужчина. В простой одежде из мягкой кожи, с узкой серебряной перевязью на поясе, и двумя клинками в потёртых ножнах. Его двухцветные черно-рыжие волосы были перетянуты в хвост плотной серой лентой, и доходили до лопаток, а янтарный взгляд не отрываясь следил за гостем.

Запрокинув голову кверху, он спокойно стоял и ждал, пока кхассер сделает над ним круг, а потом камнем упадет вниз, и приземлится на террасу уже не зверем, а человеком.

– Мой Император, – Хасс склонил голову в знак почтения.

– Так-так-так, – протянул тот, складывая руки на могучей груди, – неужели сам кхассер северных земель соблаговолил почтить меня своим появлением? Я думал, после того, что ты натворил в ущелье, ты еще долго не посмеешь сюда сунуться.

Глава 3

Хасс недовольно поморщился. Глупо было ожидать, что такие новости не дойдут до императора. Убийство норкинта – это не то событие, которое могло остаться незамеченным, и за этот проступок он был готов понести наказание. Потом. Сейчас его волновало совсем другое:

– Я хочу забрать ее.

– Кого? – Тхе’маэс вопросительно изогнул одну бровь.

– Девчонку из долины.

– Первый раз слышу, – вторая бровь тоже поднялась.

Для императора пленница не имела значения, достал из ее головы все что было нужно и забыл. Хасс скрипнул зубами. Он знал, что так будет, но даже не догадывался как тяжело дышать, когда представляешь допрос императора во всей красе. У него ведь не только взгляд зверя в запасе, но и кое-что пострашнее. Свой титул Тхе’маэс получил за неоспоримую силу, а не за красивую полосатую шкуру своего зверя.

– Ким. Из долины Изгнанников. Маленькая такая, бледная с пшеничной косой и глазами, как у дикой кошки, – кхасер рукой указал примерный рост своей бывшей пленницы.

– Не было такой.

– Я велел привезти ее к тебе, пару недель назад...

– Хасс, по-твоему, я настолько стар, что у меня начались проблемы с памятью? Я бы запомнил если бы мне доставили

человека из долины.

– Я не понимаю...

Он рвался в город и был готов выдрать хребет любому, кто попробует помешать ему забрать Ким, но к такому повороту оказался не готов.

– Кому ты ее отдал? – император тоже хотел разобраться.

Пленница из долины – ценный трофей, а взвинченный Хасс, который обычно словно невозмутимая гранитная скала – это вообще что-то из ряда вон.

– Левису и его отряду. Мы разминулись на северной развилке. Они отправились в столицу, а я свернул к себе в Мол Хейм. Это произошло почти две недели назад. Они давно уже должны были добраться до Андера.

– Левис здесь, – подтвердил Тхе’Маэс, – Давно.

Хасс рванул к дверям, но его остановил властный голос императора:

– Стоять!

Ослушаться прямого приказа кхассер не посмел, но все внутри него клокотало от желания найти Ким. Пока он прятался от правды в Мол Хейме что-то произошло. Что-то нехорошее.

Тем временем император подозвал слугу и отправил его за воином.

– Будем разбираться. Мне, знаешь ли, тоже очень интересно, куда делся трофей из долины, если до меня он так и не дошел.

– Я сам...

– Стой. Здесь, – приказал Тхе'Маэс, – мне не нужен бесшесных кхассер мечущийся по дворцу.

– Я спокоен.

– Ты будешь стоять здесь и ждать.

Едва сдерживаясь, Хасс нервно повел плечами и отошел к каменному парапету.

Внизу кипел Андер. Как всегда пестрый, шумный, живой. По улицам сновали экипажи, магазины зазывали яркими вывесками, а прохожие вечно спешили по своим делам. Здесь можно было встретить кого угодно: и воинов, охраняющих порядок, и купцов со всех сторон Андракиса, и дородных матрон, сопровождающих хрупких дев.

Иногда на глаза попадались серые рабские одеяния, и каждый раз сердце пропускало удар. Не она.

– Как прошел твой обряд? Можно поздравить?

– Можно.

– Камень стал лунным?

– Камень стал белым, – усмехнулся Хасс.

– Белый в смысле сильно... лунный

– Белый в смысле, как первый нетронутый снег.

– Ты разыгрываешь меня? – император недоверчиво нахмурился.

Хасс покачал головой:

– Нет.

– Это значит... сработала настоящая связь?

– Получается, что так.

Он сам до конца не верил, что такое произошло, что видел это своими собственными глазами.

Тхе’Маэс долго молчал. Эта новость значила слишком много не только для Хасса, но и для остальных кинтов, в том числе и для него самого.

Когда перестали рождаться те самые? Истинные, союз с которыми приносил процветание клану, усиливая его с каждым поколением? Давно. Последняя избранная досталась клану барсов несколько веков назад, с тех пор больше не было ни одного случая единения. Сколько бы ни искали, сколько бы ни проводили отборов и смотрин, все в пустую, связь не образовывалась. Без нее кланы начали терять свои силы, потому что от обычных женщин рождались обычные дети.

Со временем жрецам и оракулам удалось немного смягчить этот удар. Много лет они трудились, изучая природу связи и наконец создали ритуал, дающий жалкое подобие единения.

– Тебе повезло. И со жрецами, которые сделали правильный выбор, и с Сабиной.

– Она здесь не при чем. Камень стал белым не из-за нее.

Недоумение во взгляде императора быстро сменилось пониманием:

– Девчонка из долины?

– Да.

– Как у вас с ней? Ты сразу понял, что она та самая?

Хасс невесело усмехнулся, поднял взгляд к вечернему небу, подернутому розовой дымкой, и потер шею:

– Почти. Я ее нашел в долине во время последнего обхода. Пару раз накрыл взглядом Зверя, протащил через горы, в лагере скинул надзирательнице и надел медный ошейник, потом золотой. Потом пару раз чуть не прибил и в итоге сбросил на руки другим воинам, развернулся и уехал, не оглядываясь. Да. У нас все просто прекрасно.

– Ты не знал, – сказал император, сморщившись, будто откусил незрелой сливы.

– Слабое оправдание, но да. Не знал. Мысли даже не допускал, хотя после того, как она меня шарахнула белой молнией в ответ на взгляд Зверя надо было уже заподозрить. Понять, что что-то здесь не так. Увы, не понял.

В этот момент он сам себе казался набитым дураком, не замечающим очевидных вещей. Ведь все как на ладони было, но он так привык считать, что истинные больше не появлялись, что даже мысли об этом не допускал. И вот итог. Она не рядом.

– Ты понимаешь, что если ее вернешь, то ваши дети все без исключения будут кхассерами. И мальчики, и девочки?

– Понимаю, не дурак.

Кто бы еще захотел ему рожать этих самых детей...

– Расскажи мне про нее.

Пока они ждали Левиса Хасс коротко поведал и про то, как впервые повстречал Ким, и про белую молнию, и про

все остальное. Маэс тоже кое-что рассказал. Оказывается, в древних фолиантах, пылящихся на полках темной библиотеки Андера, упоминалось о том, что истинная пара не восприимчива ко взгляду своего кхассера. И молния белая упоминалась, только не как молния, а как белый свет, теплый и обволакивающий.

К сожалению, Хасс не читал древних фолиантов, считая это дело скучным и бесполезным.

– Что ощущаешь, когда находишь свою пару? – жадно поинтересовался Тхе’Маэс, – На что это похоже?

– На безумие, – кхассер пожал плечами, – затяжное, непреодолимое, которое с каждым днем все больше тебя захватывает. Ты готов убить любого, кто косо на нее посмотрит. И ее тоже готов придушить. Потому что бесит.

...Потому что хочется большего. Хочется не просто большего, а чтобы в изумрудных глазах появилось что-то кроме ненависти и разочарования. Хочется сделать иначе.

Да, теперь бы он сделал все иначе.

Левис появился через десять минут. Постучав, он вышел на террасу и остановился перед правителем:

– Император, – склонил голову перед Маэсом, потом развернулся к Хассу и тоже поклонился, но не так глубоко, – кхассер. Вызывали?

Император глянул на Хасса, мол давай, спрашивай.

– Где Ким? Я велел привести ее сюда.

Выпирающий кадык на шее воина неровно дернулся, выдавая его волнение. Это не укрылось ни от кхассера, ни от императора.

– Мы везли...

– Где она? – тьма тут же закружилась в янтарных глазах, лишь вскользь прошла по вояке, поднимая дыбом волосы на руках.

Левис пошатнулся, ухватил ртом воздуха, будто задышался и выдавил из себя:

– На перевале...произошел обвал. Река после дождей разошлась и размывла склон...

В животе свивала ледяные кольца тревога.

– Продолжай! – Хасс едва держался, чтобы не рычать.

– Мы прошли почти на половину, когда начался оползень.

Вклинился прямо посередине, снося все на своем пути.

– И?

Воин снова судорожно вздохнул. Он чувствовал, как взгляд Зверя скользил по нему. Еще не причинял боли, но уже на грани.

– Она была как раз посередине. Ее и нескольких воинов утащило потоком в ущелье. Мы пытались их найти, достать, но ...увы.

В ушах зазвенело, и звериная ярость вспыхнула с такой силой, что самому стало больно. Они не уследили за Ким, не смогли довести ее в целостности и сохранности! Не усмотрели.

– Хасс! – император осадил его, не позволив сорваться в

бездну жестокости. Встал между ним и бледным, как снег Левисом, – Почему не сообщил? Почему я только сейчас узнаю о том, что вы не довели важного пленника? Если бы Хасс сам не заявился сюда, это бы так осталось секретом?

Левис с трудом вздохнул. Быть рядом с разъяренным кхассером, и взбешенным императором – испытание не для слабых. Их энергия сплеталась, клубилась, оплетая черными кольцами, пробивалась внутрь заставляя сердце сбиваться с ритма, а кровь сворачиваться в жилах.

– Я...я... – он пытался выглядеть достойно, как воин, готовый ко всему, но голос подводил, – я подумал, что раз она провалилась в ущелье, то нет смысла говорить. Вернуть не получится.

Хасс все-таки зарычал.

– Мы сделали все, что могли, – Левис пытался оправдаться, – искали их весь день. Спускались вниз, но там сплошное месиво из камней и грязи. Никого не нашли. Ни ее, ни остальных ребят.

– Где именно это произошло? – сквозь зубы процедил Хасс.

– У Роуновского водопада, сразу за перевалом. Там не было шансов выбраться, – еще раз произнес воин, опуская взгляд на каменный пол. – Никаких.

– Уходи, – распорядился император, – сдай оружие, отличительные знаки и жди. Тобой займусь позже.

– Да, мой император, – Левис понуро опустил голову и

поплелся прочь. Он знал, что наказание за его поступок будет серьезным.

– И что теперь? – спросил император, когда они с кхассером остались наедине.

Хасс был на взводе, взгляд бешеный, зверь едва удерживался на привязи.

– Туда полечу. Хочу убедиться в том, что...

Конец фразы он не договорил, не смог. Слова застряли поперек горла обжигаяще горьким комом. Не вдохнуть.

– Пожалуй, составлю тебе компанию.

С террасы в небо поднялись два зверя. Один песочный, с густой гривой, второй – огненно-рыжий с черными полосами по бокам. Они взмыли над городом так стремительно, что стража на стенах не успевала следить за ними даже взглядом. Сделали круг над Андером и развернулись в сторону перевала.

Хасс гнал, со свистом рассекая воздух могучими крыльями, не зная усталости и сомнений. Ярость, кипевшая в крови, давала ему сил, подгоняла, заставляла лететь так быстро, как никогда до этого. Ему нужно было успеть. Куда? Не понятно. Ведь по словам Левиса спасти там уже некого.

До водопада они добрались только на следующее утро. Над коварной горной рекой все еще клубился туман, скрывая ее истинные очертания. Но даже так, в молочной мгле было видно, что она шире, чем раньше. Выше по течению пролились густые дожди. Они усилили поток, размыли рус-

ло и подточили каменисты край, с которого вниз срывался водопад.

Оползень спускался по правой стороне, оставляя за собой распаханную землю, завалы, вывернутые с корнем редкие деревья, и тонул в ущелье. Таким узким и глубоким, что добраться до дна было просто невозможно... Как и выбраться обратно.

Сложив крылья, Хасс камнем рухнул вниз, обернувшись человеком возле самой земли. Рядом приземлился император. Пока Хасс исследовал край расселины, он осматривался по сторонам в поисках опасности – привычка, проведенная в многолетних войнах с роем.

Спускаться в ущелье Хасс не спешил. Прошел вдоль разлома с одной стороны, перескочил на другую, присел на корточки пытаясь что-то увидеть, расслышать, а скорее- почувствовать в той смертельной ловушке, в которой оказалась Ким.

Если оказалась...

На краю этой каменной могилы внутренний трепет сошел на нет. Кхассер внезапно успокоился и теперь анализировал с абсолютно холодной головой... А взгляд сам снова тянулся на запад, где за линией горизонта притаилась Драконья гряда.

Маэсс не вмешивался, просто стоял в стороне и наблюдал, как его кхассер прохаживается вдоль разлома, пинает подсохшие комки гряды, задумчиво трет шею, присев на самом

краю пропасти.

– Что скажешь? – спросил он, когда Хасс с досадой цыкнул и поднялся.

– Ее здесь нет.

– Хищники?

– Нет. Жива она, – он был в этом абсолютно уверен. И эта уверенность крепла с каждым мигом, вытесняя все остальное, – цела, невредима.

– Знаешь?

– Чувствую, – он действительно чувствовал.

Какое-то странное ощущение пробивалось поверх собственного сознания. Он будто прямо сейчас, как наяву слышал биение ее сердца. А еще решимость и безудержное стремление. Настолько яркое, что палило белым пламенем.

Император смотрел на него с нескрываемым любопытством. Как работает парность он знал только из древних книг, и тем интереснее было наблюдать, как прямо сейчас на его глазах разворачивались ее первые лепестки.

– Знаешь где искать?

Хасс снова посмотрел на горизонт, замер на мгновение, прислушиваясь к себе и своим внутренним ощущениям. Сначала тишина, а потом в лицо ударил порыв ледяного ветра, выбивая весь воздух из легких. Он даже покачнулся, а император стоявший рядом, не почувствовал ровным счетом ничего.

– Она там, – указал направление, – уже далеко. Пытается

вернуться в долину.

Ей как-то удалось добраться обратно до Драконьих гор.

– Конец зимы близко. Сопряжение скоро разорвется.

Хасс это знал, как и то, что если не успеет, то на долгих восемь месяцев, Ким будет скрыта от него. Этого он допустить не мог.

– Что будешь делать?

– То, что умею лучше всего. Охотится, – мрачно обронил он, прикидывая за какое время успеет добрать до границы. Впритык. Если вылетит прямо сейчас.

Маэсс все понял. Кивнул, давая одобрение, и отступил в сторону, позволяя кхассеру обернуться.

– Верни ее. Первая истинная за несколько веков. Она нужна нам. Это шанс, надежда, которой так всем не хватало.

Она была нужна Андракису, но больше всех самому Хасс.

Он взревел, прощаясь с императором, поднялся в воздух и устремился туда, куда вело сердце.

Глава 4

– Тише Лисса! – прошипела Ким, отпихивая от себя зубастую морду.

Вирта уже съела свою порцию вяленого мяса и теперь настойчиво пыталась отобрать последний кусок у Ким. Толкала ее под руку, сопела и нетерпеливо тянула за рукав.

– Держи, обжора ненасытная, – Ким все-таки отдала ей свою порцию. Кусок все равно в горло не лез, и вкуса она не чувствовала. Вирта наоборот с блаженным урчанием проглотила добычу и еще раз обнюхала хозяйку, – Больше ничего нет. Можешь не пыхтеть.

За пределами пещеры бушевал Сеп-хатти, с остервенением бросаясь на невидимую стену, которая едва держалась благодаря амулету кхассера. Страшно было подумать, что будет, если однажды он не сработает, и пропустит ураган внутрь.

Жухлый костерок чуть теплился, и его едва хватало на то, чтобы натопить снега и заварить пряный нестерпимо горький чай. Он был невкусным, но зато прекрасно согревал изнутри, и после него жизнь не казалась такой кошмарной, как прежде.

О том, что дорога обратно будет непростой, Ким знала, но даже представить не могла настолько. Одна, без сил и навыков выживания, она продолжала двигаться вперед на чистом

упрямстве. Боролась со страхами, с одиночеством, а еще с той цепью, что с каждым шагом все сильнее натягивалась и влекла обратно. Ошейника больше не было, но она все равно не чувствовала себя свободной. Холодными ночами ей снился Хасс. Разный. То отстраненно холодный, то устрашающе лютой, как Сеп-хатти подстерегающий в горах, то с улыбкой на красивых губах. Именно эта улыбка что-то перетряхивала внутри, заставляла замирать и морщиться будто от боли.

Ей не хотелось думать о Хассе, но он настойчиво лез в мысли, в сны, чудился в каждом шорохе и птичье тени, скользящей по земле. Он был везде. И это выводило из себя, выматывало. Она хотела освободиться от наваждения, но в то же время... хотела увидеть его снова. Прямо здесь, сейчас, посреди снежного бурана, отрезавшего ее от всего остального мира.

Когда возле водопада случился обвал, Ким вместе с тремя воинами оказалась в самом центре событий. Кругом грохот, камни, грязь с обломками сплошным потоком. Крики.

Она бы непременно погибла во всей этой мешанине, если бы не Лисса. Преданная вирта напрочь отказалась подчиняться ее паническим приказам. И когда все рванули назад, пытаясь выбраться из грязевого потока, она ринулась вперед, на долю секунды опередив основной обвал. Проскользила по самой грани ущелья и, на ходу перекидываясь в ящера, по отвесной скале заскочила на выступ. Там они и притаились.

Распластались на камнях, за день нагретых солнцем, и наблюдали, за тем, что происходило внизу.

Когда облако из грязной пыли и брызг водопада осело, открылась жуткая картина развороченной дороги. Камни, земля, одинокие горные ивы и кусты дикого барбариса. Все это смешалось в одну бурую массу, большая часть которой сорвалась вниз, в ущелье.

Уцелевшая часть группы, успевшая выскочить от опасной зоны, теперь возвращалась обратно. Ким наблюдала, как они ищут своих пропавших товарищей и искренне надеялась, что у них получится, что найдут хоть кого-то и вытащат из-под обвала. Но увы. Они провозились до самой ночи, выгребая камни, пытаясь спуститься в расселину, но так никого и не нашли. Ни живых, ни мертвых.

Эти люди не сделали ей ничего плохого, не обижали, просто выполняли чужой приказ и везли в ненавистную столицу Андракиса. Ким не жалела им зла и искренне сочувствовала утрате.

...А еще она увидела, как в чуть в стороне, прикрытый валунами валялся кем-то оброненный походный рюкзак, и свернутый рулоном зимний походный плащ. Наверное, отвязались от седла, когда все начали метаться в поисках спасения.

Ночь они с виртой провели на том же уступе, прижимаясь друг к другу, чтобы укрыться от пронизывающего горного ветра, а на заре, когда первые лучи только начали разбивать

ночную тьму, спустились вниз.

Ким сама еще раз обошла место завала в поисках того, что могло пригодиться. С трудом вытащила битком набитый рюкзак, который так никто и не заметил, и поспешила обратиться подальше от перевала. Мало ли кто еще мог тут пройти?

Было страшно, но она понимала, что это шанс, который никак нельзя упустить.

Теперь, когда все будут думать, что она погибла, шансы добраться до долины возросли. А вот время поджимало. Старый берег беспристрастно показывал, что до конца зимы оставалось две недели. Слишком мало, для простой девушки, решившей вернуться домой. Но у нее была Лисса, туго-набитый рюкзак, и карта, украденная из шатра кхассеров.

Весь день они потратили на то, чтобы спуститься к подножью гор. Вирта, прекрасно понимающая, что от нее требовалось, проворно сновала между камней, выбирая короткий путь, а от Ким требовалось только одно: не вывалиться из седла.

На ночном привале, среди осинової рощи она отпустила недовольную, голодную вирту, и та сразу принялась щипать сочную траву. Тем временем беглянка, наконец, добралась до содержимого рюкзака.

Там было огнево, веревка, пара складных ножей и котелок для разогревания пищи на костре. В глубоком кармане обнаружился куль с ломтями вяленого мяса, немного заварки,

сухие яблоки и соль. Вдобавок к теплому походному плащу обнаружился сверток с одеждой: плотные брюки, пара шерстяных рубашек.

Ким восприняла это как благой знак. Сама судьба благоволила ее возвращению домой.

Они двигались в основном в сумерках. Рано утром и вечером, когда начинало темнеть. Днем, в самую жару отсиживались в пещерах или рощах, попадающихся на пути, а ночью старались забиться как можно глубже.

Было страшно. Их могли увидеть андериты, мог почувствовать рой или напасть дикие звери, но они продолжали продвигаться вперед. Отмеряя километр за километром, преодолевая препятствия в виде зыбучих песков, коварных болот и непроходимых чащоб, наполненных мрачными голосами.

Им везло. Настолько, что ни разу за время путешествия они не наткнулись ни на патрули, ни на одиноких путников, ни на диких хищников. Будто чья-то невидимая рука проводила их по самой грани, оберегая от опасностей.

В начале пути, когда еще горы даже не появились на горизонте, Ким сомневалась, что сумеет до них добраться. Когда же они вышли к серому подножью ее изумлению не было предела. Смогли. Справились!

Правда им предстояла еще более сложная часть пути...

Первый переход, отмеченный на карте, оказался схлопну-

тым, как и второй, и третий. Этой зимой их уже использовали для перемещения, поэтому Ким пришлось продвигаться вдоль скал, проверяя каждую возможную точку разрыва. Повезло лишь на третий день, когда отчаяние уже начало пускать свои ядовитые ростки.

На берегу крохотной речушки, возле кустов боярышника розовым маревом мерцало зеркало перехода. Ким не сразу осмелилась туда войти. Организовала маленький привал, отпустила вирту, а сама сидела, жевала мясо и, не отрываясь, смотрела на разлом.

У нее еще был шанс оставить эту затею. Остаться здесь в Андракисе. Попытаться затеряться на его бескрайних просторах. Обустроиться... Но вечная жизнь в бегах пугала ее больше, чем лютующий Сеп-хатти и холод заснеженных перевалов.

Спустя час она все-таки решилась. Переделалась в одежду воина – такую объемную и громоздкую, что она утонула в ней полностью. Пришлось подворачивать рукава и штанины, набивать тяжелые ботинки тряпками, чтобы не хлябали, затягивать ремни на рукавицах.

– Ну что, Лисса, готова?

Вирта только фыркнула, продолжая щипать траву, но хвост, нервно бьющий по крутым бокам, намекал, что зверю эта идея совсем не нравилась.

– Пора.

Перед тем как сделать решающий шаг Ким набрала пол-

ные легкие воздуха и зажмурилась. Теперь обратного пути нет. Будь что будет.

Холодный порыв ветра едва не сбил ее с ног и, если бы не вирта, которая, как всегда, приняла удар стихии на себя, Ким бы отлетела вниз по склону. Они поспешили под защиту мрачного утеса и только оттуда смогли осмотреться.

Вокруг только камни, снег, серое небо.

Ким не знала горы. Для нее единственным ориентиром были высокие пики, похожие на лисьи зубы. За ними началась долина. Оставалось добраться до них и не погибнуть.

Ей с трудом удалось разобраться с картой. Она нашла точку выноса, в которой оказалась, просмотрела все тропки, спуски, подъемы и перевалы ведущие в нужном направлении и тяжело вздохнула.

– Нам туда, – угрюмо указала на Лисьи пики, виднеющиеся по левую руку, – и у нас всего несколько дней в запасе. Как думаешь, справимся?

Вирта посмотрела с таким выражением, будто сомневалась в ее умственных способностях. У нее на морде было написано – поворачиваем назад, туда, где тепло, сухо, полно сочной травы и другой еды.

– Нет, Лисса. Я не вернусь. Мне надо туда.

Собравшись духом, она забралась на спину вирты, пристегнулась к седлу, как это делала во время прошлого перехода и отдала робкую команду:

– Поехали.

Лисса фыркнула, но начала послушно подниматься вверх по склону. Ее тело на ходу менялось, походка становилась неровной, шея удлинялась, копыта пропадали, уступая место острым когтям. Она готовилась к сложному переходу.

Во время первого путешествия, когда Хасс тащил ее из Милрадии в Андракис, Ким четко усвоила основные правила. Во-первых, в горах нельзя шуметь и быть беспечным, поэтому они продвигались вперед в полнейшей тишине, осторожно обходя ненадежные места, готовые обвалиться от любого неверного шага. Во-вторых, при любом подозрении на приближении бурана надо прятаться в расселины, пещеры, куда угодно – на открытой местности его не пережить.

Первый Сеп-хатти настиг их спустя нескольких часов пути. Сначала раздался непонятный гул, а потом с ближайшей вершины начало спускаться мерцающее снежное марево. Им повезло – пещера оказалась рядом. Такая маленькая, что вдвоем с виртой они едва там поместились. Трясаясь от страха, Ким попыталась вспомнить как раньше закрывал проход косматый Верн. Он ведь сделал это сам, без кхассера, имея в своем распоряжении лишь такой же камень, как у нее. За тонкую цепочку она вытянула из-за пазухи медальон, покрутила его в руках, погрела своим дыханием и оставила на пороге, надеясь, что сработает.

Вирта, наблюдая за ее неубедительными действиями,

только фыркнула и плотнее вжалась в стылую стену. На ее морде так явно отражалось недоверие, что Ким даже обиделась.

– Должно сработать...наверное.

Да что уж врать, она сама не верила в то, что делала.

Снежный ураган стремительно приближался. Внутри него угрожающе кружились вихри, полные ледяных осколков, сверкали молнии, а раскаты грома отражались от древних скал, усиливаясь и оглушая.

– Спаси нас, Трехликая – только и смогла выдохнуть Ким, отчаянно обнимая Лиссу и жмурясь.

Амулет не подвел, выставил защитную стену на пути бурана, не пропустив его вглубь. Стена получилась неидеальной – в пещере сильно похолодало и закружился хоровод колючих снежинок, но все-таки настоящая ярость Сеп-хатти была погашена. Он бросался на невидимую преграду, рассыпался миллионами ярких искр, лютовал, но не мог пробиться внутрь.

– Получилось, – сквозь слезы облегчения выдохнула она, – ты видишь? Получилось!

Вирта только икнула, тогда Ким забралась к ней под бок, накрывая плащом не только себя, но и свою верную подругу.

– Вдвоем теплее, да?

Лисса опустила ей на плечо шипастую голову и грустно вздохнула.

Первую ночь они провели в тесном закутке под гигантским обломком, застрявшим между двух отвесных скал, вторую – в пещере, настолько глубокой, что если забиться в самую ее дальнюю часть, то холод и снег не достанут. Правда пришлось из недр пещеры выгонять каких-то зверьков, похожих на злых енотов.

Одного из них поймала вирта. Разодрала и жадно урча съела, не оставив даже костей.

Ким отвернулась, чтобы не видеть это зрелище. Енота было жаль, но каждый выживает как может, а Лиссе нужно было много сил, чтобы вывести их обоих. Она послушно карабкалась по отвесным скалам, перемахивалась чем бездонные ущелья, змеей стелилась по самому краю обрывов. Иногда следовала строго указаниям Ким, которая вела их, чуть ли не каждый миг сверяясь с картой, а иногда своевольно натягивала поводья и сворачивала совсем в другую сторону. И не разу не ошиблась. Спасая и себя, и свою отчаянную хозяйку от гибели.

Именно благодаря ей они избежали столкновения со снежной лавиной, обошли коварно притаившееся в снегу ущелье, нашли узкий разлом, там, где его казалось не могло быть и спаслись от очередного коварного Сеп-хатти.

И Ким благодарила всех богов: и Трехликую, и тех, кому поклонялись в Андракисе, за то, что однажды она завернула в узкий проход между шатрами и нашла раненую вирту.

В последний день перед окончанием зимы Ким не находила себе места. Сумерки уже спускались, а им еще предстояло преодолеть последний перевал и спуститься в долину. Времени так мало, нетерпение и страх остаться среди заснеженных гор толкали вперед, но здравый смысл говорил: остановись, передохни, ночью ты точно свернешь себе шею и погибнешь в нескольких метрах от спасения. И вот они сидели в очередной пещере, дожевывали остатки вяленого мяса, смотрели на скромные язычки пламени, облизывающие закопчённый котелок.

Если все получится, если они справятся, то уже завтра окажутся в долине Изгнанников и о том, ужасе, который она пережила можно будет забыть навсегда.

...У ее ужаса были янтарные глаза, светлые волосы, внушительный рост и разворот плеч. Низкий голос, в котором иногда рокотал гнев, а иногда тихо перекачивались ласковые ноты. У него были сильные руки. Которые могли удержать, если упадешь, могли причинить боль или удовольствие. У него были...

Проклятье, да какая разница, что там у него было? Он останется в Андракисе, она вернется в долину Игнанников. Вот и все. И не о чем больше думать. И жалеть не стоит.

Но тем не менее, именно сожаление стискивало ее сердце холодными когтями, когда ранним утром, она разбила снежный заслон, преграждающий выход из пещеры и выбралась наружу. И никуда было не деться от того сосущего чувства

пустоты, что все больше расплзлось где-то глубоко под сердцем.

Ей не хватало его...

Давясь от горечи и не смея больше отрицать, она понимала, что Хасс привязал ее к себе, приручил. Он был везде. Внутри, снаружи. В мыслях, в испуганном биении сердца, в каждом толчке крови.

– Ну уж нет, – решительно тряхнула головой, плотнее кутаясь в плащ, – Нет! Идем Лисса! Нам пора. Времени почти не осталось.

Она забралась на спину вирте, и та проворно начала карабкаться по гладкому уступу.

Последний изнурительный подъем и они выбрались на перевал, с которого открывался вид на долину Изгнанников.

– Мы сделали это, – просипела она, чувствуя, как горло свело горьким спазмом, – сделали.

Радоваться было еще рано. Старый берег безжалостно отсчитывал последние часы зимы, еще немного и пойдет разделение, а им еще предстояло спуститься вниз.

– Давай Лисса, – Ким пригнулась к длинной шее, – нам надо успеть!

Вирта рванула с места. Ей передавалось волнение юной хозяйки, поэтому она неслась во весь опор, перескакивая с уступа на уступ, скользя по крутым склонам, перемахивая через непроходимые завалы. Под ее когтями крошились камни, обваливались валуны, с грохотом срываясь вниз. Она

яростно хлестала тонким хвостом и рычала, если из-под лап уходила опора. Изворачивалась и летела дальше.

Их бешенная гонка казалась нескончаемой. Ким казалось, что у нее не осталось ни одного живого места. Бедро, которыми она сжимала бока зверя, дрожали от напряжения, руки, мертвой хваткой вцепившейся в поводья, просто сводило, глаза драло от пыли и порывов ветра, бивших в лицо. Под конец она почти ничего не видела от пелены слез, застилавших взор. Только почувствовала, как Лисса сбавляет ход и останавливается, с хрипом стягивая воздух.

Спуск завершился.

Беглянка утерла лицо краем плаща и, с трудом проморгавшись, посмотрела по сторонам. Перед ними спала знакомая долина, все еще укрытая высоким снегом. Но что-то уже менялось. Ким чувствовала, как вокруг гудел воздух, как глубоко под снегом с тон ему вздыхала оживающая земля. Разъединение миров началось.

Последние минуты убегали, как вода сквозь пальцев, а им еще предстояло добраться до граничных камней.

– Давай, Лисса, – Ким подбодрила тяжело дышащую вирту, потрепав по шипастой шее, – Последний рывок.

Словно прощаясь с прежней жизнью, она обернулась на крутой спуск, на котором они чудом не переломали шеи.

...И замерла, не в силах пошевелиться.

На том же самом уступе, что и в их первую встречу, широко расправив крылья, стоял знакомый песочный зверь и

угрюмо смотрел на нее.

Глава 5

Сорвавшись с отвесной вершины, зверь тяжело взмахнул крыльями и устремился за ней. Даже издали было видно, что его полет недостаточно стремителен и недостаточно ровен.

Второй переход за одну зиму оказался слишком сложным испытанием даже для такого сильного кхассера, как Хасс. Он не успел восстановиться, после прошлой экспедиции, не восполнил те запасы энергии, которые ушли на то, что провести своих людей через коварные перевалы. Вдобавок амулет, которым по наитию пользовалась Ким – высасывал остатки сил. Он мог бы оборвать связь, перекрыть все каналы, но это означало оставить ее без защиты, наедине с Сеп-хатти, который к концу зимы лютовал все сильнее.

Разъединение миров уже набирало силу. Оно не было похоже на мягкую поступь весны с ее звонкими капелями, полноводными ручьями и пожухлым серым снегом. Оно шло резко, с порывами ураганного ветра и надсадным гулом пробуждающейся земли.

Привычный облик долины стремительно менялся.

Снежная толща пошла трещинами. Многометровый белый полог, укутывающий долину долгих сто дней, начал таять, местами проседая и проваливаясь целыми пластами. То тут, то там на поверхность выныривали деревья, недовольно

тряся опущенными голыми ветвями.

Ким натянула поводья, не в силах отвести взгляд от крылатой фигуры, спускающейся следом за ней, а потом со всей мочи пришпорила Лиссу. Та испуганно присела, задержалась на мгновение, а потом рванула прочь от темных скал. Ее форма, идеальная для переходов по ущельям, никак не помогала на угасающем снегу. Острые когти вспарывали хрупкий наст, и она проваливалась то по колено, то по брюхо.

– Давай же! – Ким скатилась на землю, чтобы облегчить вирте путь, – бежим!

В голове гремели слова старой йены о том, о что сторожевые камни с почерневшими от времени рунами – это та граница, которая разделяет миры в момент разрыва. И что крайне важно оказаться с нужной стороны от камней, иначе останешься там, где тебе не место. Разрыв ширился, стремительно приближаясь к граничным камням, жадно отъедая последние мгновения сопряжения Милрадии и Андракиса. Еще немного и они разойдутся до следующей зимы.

На ходу скинув тяжелый плащ, Ким продолжала бежать. Из последних сил, задыхаясь, ловя воздух пересохшими кубами. Она чувствовала яростный взгляд хассера, прожигающий между лопаток, слышала, как его тяжелые крылья со свистом рассекали воздух. С каждым мгновением Хасс был все ближе, а шанс вернуться домой – все призрачнее.

Тем временем долина менялась, а вместе с ней спадал и защитный полог, укрывающий монастырь от чужих взгля-

дов.

Хасс не поверил бы, если бы не видел своими глазами, как тяжелый остроконечный обломок скалы, выпирающий из земли прямо посреди холма, подернулся сизой дымкой и сквозь него начали проступать очертания здания. Сначала едва уловимые, похожие на галлюцинацию, потом все более явные. Там, где были темные проемы – он уже различал окна и двери, вместо острого обломка на самой вершине – покосившийся шпиль со звездой, заключенной в объятия полумесяца.

Снег продолжал утекать, обнажая покатые крыши строе- ний поменьше – какие-то сараи, подсобные помещения, ба- ни, склады... Дом с разбитым окном под низкой крышей.

Оттуда веяло жизнью, чужим дыханием.

Хасс чувствовал других людей. Много. Все это время они были здесь, прямо у него под ногами. На том самом месте, где он когда-то поймал Ким.

Еще он чувствовал белый яд. Густой, приторный, прикры- вавшийся коварной сладостью запах гниения. Он стелился по земле, разливался по воздуху, заполнял собой все вокруг.

Ярость.

Именно это Хасс ощущал прямо сейчас. Дикую, без- удержную, застилающую глаза красной пеленой.

Теперь он понял, как жителям долины удавалось столько времени скрываться от его людей. Он все понял.

Надо было поворачивать назад, возвращаться в Андракис,

чтобы все рассказать императору, предупредить остальных. Но он не мог упустить Ким. Просто не мог. Не теперь, когда все встало на свои места.

Еще надеясь остановить ее, удержать со своей стороне разлома, он тяжело взмахнул крыльями, поднимая воздушный вихрь, наполненный снежными ошметками. Ударил ей в спину, сбивая на землю

Ким покатилась по снегу, но не остановилась и поползла на четвереньках. Отплевываясь от снега, не обращая внимания на содранные ладони.

– Лисса! – закричала она, и преданная вирта, сомкнув челюсти на плотном рукаве, рывком выдернула ее из снега и рванула дальше, буквально волоча девушку за собой.

До линии совсем немного. Считанные метры.

До Хасса чуть больше.

Он не успевал. Разъединение выкачивало из него силы с такой скоростью, что каждый взмах крыльев становился настоящим испытанием.

Не успевал.

Дальше все происходило одновременно.

Взмах крыльев в отчаянно попытке успеть, всхлип, оглушительный воздушный залп, от которого содрогнулась вся долина, и с вершины граничных скал покатались лавины.

Миры разъединились с громким стоном, освобождаясь друг от друга, скидывая чужие прикосновения и возводя нерушимые границы до следующей зимы.

Пригнув до самой земли гибкий голый ивняк, воздушный удар поднял волну на Сай озере, едва освободившемся от снежных оков, разбил стекла в монастыре. И выкинул на площадь перед ним Ким и оскалившуюся вирту.

Ким лежала на земле, раскинув руки и уставившись на яркое, по-весеннему голубое небо. Никаких серых туч. Низких, хмурых, готовых в любой момент разразиться беспросветным снегопадом, никакого завывания ветра. Настоящая весна.

С трудом вытащив старый брегет из-за пазухи она долго смотрела на циферблат, на котором уже отсчитывалось время до следующей зимы.

Все закончилось. Она вернулась. Успела. В последний миг несмотря на то, что Хасс ее преследовал.

Хасс...

Рядом завозилась Лисса. Хлопок оглушил ее, и теперь вирта, кое-как поднявшись на ноги, моталась из стороны в сторону, трясла головой, напряженно водила ушами. Ее форму сейчас было сложно определить. Не зверь, ни лошадь, ни кто-то еще. Все смешалось. Грива поверх острых шипов. Мягкий лошадиный нос и тонкие прорези змеиных ноздрей. Одну лапу венчало копыто, остальные – по три когтя.

В любой момент могли проснуться остальные, выбраться из своих миарт-танов, выйти наружу и увидеть ее.

– Лисса, – прохрипела Ким, с трудом садясь, – Лисса.

Та снова мотнула головой и, пошатываясь, подошла ближе.

– Тебе нельзя так, – голос не слушался, – нельзя быть в таком виде. Не здесь.

В звериных глазах непонимание.

– Тебя...заберут. Если узнают, кто ты. Убьют. Нельзя.

В ответ шипение.

– Нет. Лисса. Не справишься. Ты больше не в Аднракисе. Здесь все по-другому. Таких как ты тут нет. А все, что связано с тем миром местные, как бы это сказать помягче...недолюбливают, – невесело улыбнулась и почесала настороженной вирте между глаз. – Стань лошадкой, пожалуйста.

Лисса снова протестующе заворчала, но все-таки послушалась. С трудом преодолевая слабость, она приняла лошадиный облик.

– Никогда не меняй его, слышишь? Никогда! – Ким прижалась своим лбом к ее и гладила по мягкому носу, – оставайся всегда такой. Для твоей же безопасности. Мы придумаем что-нибудь со временем. Решим, как быть дальше.

Лисса тоненько заржала и тряхнула спутанной гривой.

– Молодец, девочка. Молодец.

Неунывающая вирта уже отошла и сосредоточенно щипала свежие побеги. При этом не забывала то и дело посмотреть, на месте ли ее грустная хозяйка.

Прижимая руку к ушибленному боку Ким поднялась на ноги.

Монастырь Россы, все такой же уныло серый и удручающе мрачный, как и прежде, равнодушно смотрел на нее темными проемами разбитых окон. Идти в пустое здание, промерзшее за время зимы, не хотелось, поэтому Ким направилась к обители и дернула за проржавевшую ручку. Все еще заперто изнутри, но если прислушаться, то можно услышать сонные голоса, пробуждающихся послушниц.

Она опустилась на старенькие облупившиеся ступени и приготовилась ждать.

Первый раз в своей жизни Ким видела, как начинается весна в долине. Быстро, отчаянно, словно боясь не успеть. Там, где еще минуту назад чернела открытая земля, уже пробивались тонкие лучи подснежников и стелились свежие побеги огненной травы. На деревьях набухали почки и издалека, казалось, будто на ветви наброшена прозрачная, едва различимая зеленая вуаль. Озеро Сай привычно шелестело волнами, накатывая на песчаный берег, а по черным камням уже торопились деловые муравьи, прокладывая свои первые тропы.

Скоро с зимовки на южных островах вернутся певчие птицы, а пока только бойкие воробьи копошились на вскрывшихся грядках, выискивая пробудившихся жуков, да галки с голубями ходили по крышам, важно постукивая коготками по ржавым настилам.

Сердце болезненно сжалось, мешая нормально дышать, а взгляд сам искал светловолосого кхассера. Искал и не нахо-

дил, проворачивая в груди острый шип разочарования. Почему ей не все равно? Освободилась, спаслась, вернулась домой. Чего еще желать? Между ними был целый год, до следующей зимы. За этот год все изменится и у нее, и у него. И следующей зимой она не проснется, не пойдет блуждать по пустынным снегам долины. Он ее не найдет...

Больно.

Ким осторожно приложила руку к отбитым рёбрам – во время разрыва она неудачно приземлилась на стылую все еще твердую землю. Да, определенно это ноют ребра, отдавая острым спазмом внутрь между легких в солнечное сплетение.

Когда за дверью послышались шаги, Ким вскочила на ноги и вытерла потные от волнения ладони о рубаху. Она так долго не видела знакомых лиц!

Раздался скрежет проржавевшего замка, ручка опустилась, и на крыльцо, сонно моргая и жмурясь от яркого солнца, вышла Харли, под руку со старой йеной.

– Ким? – удивилась она, оглядывая послушницу с ног до головы, – ужасно выглядишь.

– Спасибо, – девушка натянуто улыбнулась.

– Ты давно встала?

Слова застряли в горле. Глядя в строгие глаза наставницы Ким не могла заставить себя сказать правду, все внутри противилось этому.

– Я...

Харли нахмурилась, а старая йена, освободившись от поддержки выступила вперед, пристально всматриваясь в обветренное, усыпанное веснушками лицо послушницы:

– Ты была там? – старческий голос дрогнул, – была в Андракисе?

Харли недоуменно подняла брови:

– Йена, невозможно это...

Харли замолкла, когда хранительница монастыря остановила ее неожиданно властным жестом.

– Твой миар-так умер. Давно. Ты не спала. Ты была там.

Ким опустила взгляд, молча стащила с шеи старый брегет и протянула его старухе:

– Мне пришлось его взять. Простите, – прошелестела она.

– Сколько дней ты не спишь?

Под пронзительным взглядом светлых, почти прозрачных старческих глаз, Ким не смогла врать.

– Я проспала всего месяц, когда цветок перестал греть и усыплять...

– Неумеха, – рассердилась Харли, – вам всем говорили, что за миар-таном надо достойно ухаживать. Ты его запустила!

– Уймись, Харли, такое случается. Редко, но случается, – йена не злилась, наоборот задумчиво, даже с сочувствием смотрела на бледную, глубоко несчастную девушку, – Я хочу знать, что ты делала все это время. Кого видела, где была.

Перед глазами яркой вспышкой возникла насмешливая

полуухмылка кхассера, воспоминания о том, что между ними было, прошлось острым хлыстом по оголенным нервам. О нем она говорить не хотела. Ни с кем. Это ее тайна, ее судьба, ее чудовище.

...Без которого с каждой минутой становилось все тяжелее дышать.

– Я проснулась, – начала она с трудом подбирая слова, но очередной взмах старческой ладони остановил признание.

– Не здесь. Не так. Я голодна, и хочу переодеться – дряблкое тело дрожало в тонкой батистовой рубашке, – тебе тоже не помешает привести себя в порядок. Приходи через два часа в библиотеку, там и поговорим.

– Как скажете йена, – Ким склонила голову и отступила, пропуская со ступеней Харли и хранительницу монастыря.

На душе было не спокойно. Радость от возвращения почему-то так и не появлялась, наоборот становилось не по себе, и тревога все сильнее пульсировала в сердце.

Это место внезапно показалось ей чужим, неприятным. Даже мелькнула мысль, а зачем, собственно, она сюда так рвалась? Смотреть на серые стены хмурого монастыря? Слушать недовольное ворчание Харли? Вкалывать с утра и до ночи то в огороде, то на кухне? Вечерами сидеть у едва тлеющего камина и слушать скрипучий голос хранительницы?

Единственное светлое пятно – это Манила. Она не видела подругу с того самого дня, как выбралась из обители. Соску-

чилась. Хотелось как раньше забраться на пригорок среди березовой рощи, подальше от любопытных взглядов, разделить на двоих краюху свежего хлеба и поболтать.

Осталось только дожждаться ее пробуждения. Это могло случиться и через пять минут, и ближе к вечеру, и через несколько дней. Все зависело от того, насколько долго мидарт-тан будет держать свою подопечную в сладком плену. Поэтому Ким нехотя поплелась к главному зданию.

Монастырь встретил унылым ветром, бродящим по безлюдным коридорам, скрипом половиц, запахом пыли, сырости и запустения. Сквозь выбитые воздушной волной окна нерешительно скользили солнечные лучи, два воробья впорхнули внутрь и с громким чириканьем заметались под крышей, сметая пыльную паутину.

– Ким! – пророкотала Харли, – это твоих рук дело?

Она стояла возле вскрытого склада с запасами и гневно смотрела на следы присутствия.

– Да, – послушница подошла ближе.

– Как ты посмела! – возмущению наставницы не было предела, – какой беспорядок!

– Мне надо было где-то жить и что-то есть. Не для этого ли мы каждую осень заполняем комнаты запасами?

– Поговори мне еще, – Харли ее будто не слышала, переходила от одного вскрытого кувшина к другому и шумно вздыхала, – можно было обойтись малым.

– Я и так обошлась малым!

– Иди к себе! Скоро йена освободиться, будешь ей рассказывать свои сказки.

Возвращение в монастырь было совсем не радостным. Вместо теплого приема и сочувствия, она получила незаслуженный нагоняй, и от этого стало обидно. Почему Харли не спросила, как Ким удалось выжить, через что пришлось пройти? Почему ее больше волнуют припасы и целостность кувшинов, чем жизнь и здоровье послушницы?

Спустя два часа Ким нерешительно топталась на пороге библиотеки. Настроение было совсем на нуле, в сердце пульсировала непонятная заноза, и вдобавок ко всему появилось какое-то нехорошее предчувствие.

– Ким, я слышу, что ты там, заходи, – раздался старческий дребезжащий голос.

Больше прятаться не имело смысла

– Я пришла... как вы просили.

– Проходи, присаживайся – йена указала на серое кресло напротив себя.

Следом за ней в комнату пришла и Харли, недовольно сверкая темными глазами, из-под кустистых бровей. Она все никак не могла простить беспорядок в комнате с запасами.

– Рассказывай, что произошло зимой.

Ким тяжело вздохнула и, не отрывая взгляда от своих ладоней, начала говорить:

– Я проснулась на тридцатый день, потому что мне стало холодно. Мой цветок начал засыхать и сколько бы я ни пы-

талась, мне не удавалось его оживить.

Харли недовольно фыркнула, выражая свое отношение к неумелой послушнице.

– Продолжай, – подбодрила йена, – что было потом.

– Потом...потом мне пришлось выйти из Обители сна...

Ее рассказ занял почти полчаса. Ким пришлось рассказать обо всем. И о том, как выживала, и о том, как попалась в руки к завоевателям. О переходе через горы, о лагере, о побеге. Обо всем.

Утаила она лишь одно – правду о ней и Хассе. Это было личным, сокровенным. Это она оставила только себе.

После ее слов повисло молчание. Тяжелое, густое, наполненное тревожными ожиданиями.

– Ты же понимаешь Ким, что мы должны будем сказать стражам из Милрадии, что произошло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.